

По предложению нашего Президента периодически проводятся Международные Евразийские форумы. Была создана уникальная кафедра евразийских исследований, которая на всех специальностях ведет курс «Евразийство: теория и практика». Успешно функционирует Музей-кабинет имени Л.Н. Гумилева. Поставлена задача строительства памятника выдающему ученому-евразийству. На системную основу поставили работу по переводу трудов ученого на казахский язык. А в 2012 году мы проведем юбилейный форум, приуроченный к столетию со дня рождения Л.Н. Гумилева в рамках МПА стран участниц-СНГ и, возможно, ЮНЕСКО. Мы вплотную подошли к открытию кафедры ЮНЕСКО по толератности.

В XX веке Казахстан прошел через сложный этап развития, не исчезнув в водовороте событий. Но выжили, «тысячи раз умерев, тысячи раз воскреснув». У народа выработался особый сильный к трудностям иммунитет, уникальные пассионарные качества, переданные от своего Президента.

Мы приближаемся к самой высшей точки пассионарного подъема во главе с евразийским пассионарием Нурсултаном Назарбаевым, который ведет народ и страну уверенно, смело и по-своему, по-особенному, «казахстанскому пути», призывая всех нас, присоединиться к этой миссии: **«Для меня нет ничего дороже, чем служить благородному народу, для которого его честь превыше жизни. На этом пути я не пожалею ни сил, ни знаний, ни опыта, и никогда не сверну с него».**

Своим искренним идеям **он остается верен всегда. При любых обстоятельствах. В течение 20 лет подряд.**

Эти слова нашего Президента. Подлинного национального лидера. Лучшего сына и любимца своего народа. Катализатора прогресса. Гаранта Будущего. Великого создателя. Настоящего евразийского пассионария.

Источники и литература:

1. Ертусбаев Е. К. Казахстан и Назарбаев. Логика перемен / Е. К. Ертусбаев. – Астана, 2001. – С. 162-163.
2. Назарбаев Н. А. Казахстан Украина. Между прошлым и будущим / Н. А. Назарбаев. – Киев, 2010. – С. 3.
3. Кабульдинов З. Е. Народ Казахстана: история и современность / З. Е. Кабульдинов. – Астана : Арман ПВ, 2007. – С. 11.
4. Абдраим Б. Ж. Межнациональная политика в Казахстане и Доктрина национального единства / Б. Ж. Абдраим, З. Е. Кабульдинов, Е. Н. Нурғалиева // Формирование толерантности в полиэтнических регионах. – М., Астана, 2011. – С. 232-233.
5. Жумагулов Б. Т. Динамичное развитие системы образования Республики Казахстан в Евразийском пространстве / Б. Т. Жумагулов // Евразийская идея в новом мире. – Астана, 2011. – С. 9.

Хабижанова Г.Б.

УДК 94 (=512,1)

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН ГОСУДАРСТВА КАРАХАНИДОВ С ОГУЗАМИ

В конце X в. на территории Кашгара и Семиречья образовалось Караханидское государство, основой которого стали тюркские племена. Для этнической истории Казахстана период пребывания племен в составе этого политического образования имел большое значение. В этот период происходило объединение этнических групп и культурное взаимовлияние населения Восточного Туркестана. Одним из самых крупных племен, расселившихся в районе Семиречья и по Сырдарье были карлуки. Другим большим по численности племенем были чигили.

Характеризуя политическую ситуацию Центральной Азии в VIII в., наиболее важными результатами которой были складывание карлукского союза в Семиречье и восточной части бассейна реки Сырдарья, а также образование огузского союза племен на нижнем течении Сырдарьи, можно отметить, что определяющими моментами с VIII по XI вв. здесь были процессы взаимодействия между самыми разнообразными этническими элементами. Итогом этого процесса, как отмечал в свое время С. Толстов, стало образование совокупности племен различного происхождения и сложного этнографического состава, которая была представлена генеалогией племен Махмуда Кашгарского [1, с.200]. У Рашид ад-Дина мы видим, что и в составе огузов находятся племена, которые когда-то противостояли им и были частью больших племенных объединений, таких как кыпчак, карлук, калач, канглы. Антропологический анализ краниологических серий древнего и современного населения Казахстана подтвердил их антропологическую преемственность, определил три центра формирования субпопуляций – северо-запад, центр и юго-восток и установил истоки формирования этнической общности казахов, которая связывается с этнокультурными процессами в среде местных насельников [2, с.57].

Ибн Хордадбех приводит перечень тюркских народов, среди которых упоминаются джигиры, которых исследователи сопоставляют с чигилиями, по позднейшим сведениям проживавшим частью у Тараза, частью к востоку от Иссык-Куля. Приведенный средневековым автором Ибн Хордадбехом список тюркских племен, по-видимому соответствовал VIII в. Так, он писал: «Страны тюрков: токузгузы – их область самая большая из тюркских стран, они граничат с Китаем (Син), Тибетом и карлуками. (Затем) кимаки, гузы, джигиры, печенеги, тюргеши, азгиши, кипчаки, киргизы, у которых есть мускус; карлуки и халаджи, а они по эту сторону реки. А в г. Фарабе находятся (одновременно) отряды мусульман и отряды тюрков-карлуков. Всего городов тюрков – 16» [3, с.144].

В конце VIII - начале IX вв. в Приаральских степях кочевали печенеги. Продвигавшееся на запад объединение кыпчаков и кимаков наталкивалось на печенежско-башкирскую конфедерацию племен. Одновременно, как известно, с победой в Семиречье карлукского объединения огузы также были вынуждены передвинуться на запад, и к началу IX в. они образовали свою государственность на Сырдарье. Огузы как и кимаки с кыпчаками готовы были продвинуться в Приаральские степи. Из источников узнаем, что к концу IX в. огузы отвоевали у печенегов в борьбе земли в междуречье Волги и Урала. Печенеги в источнике носят название пачинакитов. «... пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил, а также на реке Геих, будучи соседями и хазар, и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы» [4, с.155]. Эти же события освещаются у ал-Масуди. «И на нем (Хазарском море) находятся многие кочевья гузов, из (числа) тюрок, в пустынях, которые расположены там. ... (Упомянется о занятии печенегами северо-восточной части Балканского полуострова), а мы упомянули в книге «Китаб фунун ал-маариф ва ма джера фи-д-духур ас-савалиф» причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере» [5, с.166]. В данном отрывке у Масуди под Хазарским морем понимается Каспийское, под Джурджанийским озером – Аральское. В. Бартольд считал, что карлуки в VIII-IX вв. проникли на среднее течение Сырдарьи. В подтверждение этому можно привести сведения ал-Истахри, сообщавшего о пределах, занимаемых гузами, что они располагались между хазарами и кимаками, карлуками и булгарами [6, с.167]. Появление огузов в этих местах связывается также, согласно сведениям китайского тюрколога Цэнь Чжуньмяня, приведшего список племен, населявших земли к западу от Алтая и к северу от государства Кан (Согд), с кочеванием на территории Западного Казахстана в VIII в. племен теле [7, с.59]. По преданию отец Огуза Кара-хан «...летовал в горах Ур-таг и Көр-таг; их теперь называют Улуш-таг и Кичик-таг. Когда наступала зима, он зимовал в устье реки Сыр, Кара-кумах и в Бурсуке» [8, с.40].

В источниках сохранились сведения о взаимоотношениях племен, основавших государство Караханидов с огузами. У Махмуда Кашгарского имеется упоминание о «городке» группы скотоводов – чигилей: «Одна из них кочевники, живущие в Куясе, городке за Барсханом». Это сообщение о кочевниках, живущих в городке, относилось к родоплеменной группе скотоводов, видимо имевших постоянный укрепленный пункт, какие были у чигилей и в других районах, например, в Таласской долине. Упомянул о таком Махмуд Кашгарский, именуя его «городом-крепостью» близ Тараза... «Так была основана эта крепость, которая называется теперь Джикиль, и она была названа этим именем. Затем тюрки, поселившиеся в ней, стали называться джикили. Это название распространилось после этого. А огузы, когда их жилища стали соприкасаться с этой крепостью, постоянно воевали с жителями Джикили... И они называли всех тюрок, носивших одежду джикилей, их именем» [9, с.144].

Политическая ситуация в Семиречье в конце X в. свидетельствовала об отсутствии единой власти. «В разных районах власть находилась в руках различных тюркских народностей – карлуков, чигилей, аргу, ягма».

Реконструируя раннюю историю чигилей, некоторые авторы пытались выявить их первое название. Данные авторы сближают название чигилей с тюркским племенем шато и чуюэ, а также с огузским племенем байарку [10, с.257, 259]. В научной литературе племена чигилей воспринимаются в качестве одних из основателей каганата Караханидов. В. Бартольд отмечал, что в X веке название чигили применялось к большому числу тюркских племен. Поэтому, он считал, что чигили были предками всех кочевых тюрок, кроме огузов. При походе султана Мелик-шаха на Мавераннахр чигили составляли военную силу Караханидов и, наконец, известно, что огузы называли чигилями всех тюрок, обитавших к востоку от Аму-Дарьи [11, с.578]. Однако, прослеживается и такая этническая связь: возможно, что чигили прежде до вхождения их в состав карлуков находились среди огузов, так как позднее и те, и другие, т.е. и огузы, и чигили находились в Иссык-Кульской и Таласской долинах. Махмуд Кашгарский приводит данные о том, что туркмены-огузы называли все племена, проживающие к востоку от Амударьи, чигилями. Под этим именем, пишет Т. Акеров, могли скрываться тюрко-кыргызские племена, куда входили потомки древних чиков [12, с.134]. Связь древних чиков с огузами подтверждает сохранившийся туркменский этноним «чик», который свое происхождение связывает с Алтаем. Возможно, в VIII-IX вв. чики с огузами перекочевали на Тянь-Шань. Чигили, по данным ибн Хордадбека жили в IX веке на юге Центральной Азии вместе с огузами, азгишами, карлуками.

Если отождествлять чигилей периода Караханидов с древнетюркскими племенами чиков, то, по мнению О. Караева, «... чики (чигили) в древности принадлежали к племени теле, и в раннем средневековье жили в современной Западной Туве, где по материалам древнетюркской письменности, вели борьбу в союзе с другими народами Саяно-Алтая против господствующих каганатов Центральной Азии. В результате этой борьбы основная масса чиков, как и многих других племен Южной Сибири, продвинулась на юго-запад и пришла на Тянь-Шань и Семиречье» [13, с.74-75].

О взаимоотношениях чигилей с огузами в период Караханидов упоминает Махмуд Кашгарский. Согласно его данным, огузы и чигили являлись непосредственными соседями в долине р.Талас и враждовали между собой (по-видимому, в X в.). В результате этой вражды огузы были вынуждены перекочевать на запад. Отдельные племена огузов по сведениям восточных авторов еще в X в. проживали вблизи р. Тараз. Все эти сведения являются основанием для предположения о смешении огузов с чигилями в названный период и об их раннем пребывании в степи Западного Казахстана вследствие миграции огузов

на запад. В.В. Бартольд передает одну малоизвестную легенду, в которой рассказывается о появлении чигилей. В интересах исследования передаем ее со слов самого ученого. «Замечательно, что в турецких генеалогических сказаниях в том виде, как они распространялись в эпоху сельджукской империи, нет имени Огуз и есть имя Чигиль [11, с.578-579].

Мы упоминали о сообщении Махмуда Кашгарского, что огузы были непосредственными соседями чигилей в долине Таласа и постоянно враждовали с ними. В этом отношении важно отметить, что и Караханиды в конце X в. также находились во враждебных отношениях с огузами, которые заселяли окрестности долины р.Талас.

В сочинении Ахсикенди (XVI в.) имеется легенда об образовании киргизского народа в горах Ходжента от сорока огузов в период правления сельджукского султана Санджара (XII в.). Как известно, сельджуки подчинили своей верховной власти Караханидов и имели непосредственную политико-экономическую связь с народами Тянь-Шаня.

Есть сведения и о других тюркских племенах, населявших территорию государства Караханидов. В. Бартольд, описывая культурную жизнь тюркских племен, считал карлуков самыми высокоразвитыми из них. Территория их была наиболее населенной, у них имелось множество городов, карлуки кроме скотоводства, занимались также земледелием и звероловством. Племена карлуков и тогуз-огузов испытали наибольшее влияние Китайской империи, отсюда, по мнению В. Бартольда, эти народы ближе других находились к культуре [11, с.243]. После завоевания Мавераннахра Караханидами власть навсегда перешла в руки тюркских племен. Само государство Караханидов было типичным кочевым политическим образованием, по словам В. Бартольда, очень скоро разделившись на уделы и превратившихся в самостоятельные владения. Это был период становления тюркских языков на основе огузо-кыпчакской (западной) и карлукско-уйгурской (восточной) диалектных ветвей [14, с.45].

XI в. стал известен в истории Центральной Азии стремительным образованием и расширением государства сельджуков. На западе сельджуки столкнулись с византийскими войсками, пытавшимися противостоять натиску турков-сельджуков. Знаменитая битва при Манцикерте 1071 г., закончившаяся полным разгромом византийцев и пленением императора Романа IV Диогена, нашла своеобразное отражение в рассказе Ауфи, засвидетельствовавшем благородство султана Мелик-шаха, который сам перед битвой случайно под видом обыкновенного сельджукского воина попал в плен к византийцам. Освободившись при помощи своего знаменитого везира Низам аль-Мулька, Мелик-шах дал известное сражение и позже отпустил, согласно источнику, византийского императора на свободу [15, с.109-112]. Во второй половине XI в. усиливается вмешательство Сельджукидов в дела Мавераннахра, где продолжали править Караханиды. Поводом к вмешательству со стороны Сельджуков стала междоусобная борьба Караханидов с духовенством. В результате на помощь был призван султан Сельджуков Мелик-шах. В 1089 г. он занял Бухару и осадил Самарканд. После взятия Самарканда Караханиды признали зависимость от Сельджуков, в Самарканде правил их наместник. Вот как повествует источник о дальнейших событиях, в которых упоминаются и чигили (джикили). «Когда он (т.е. Мелик-шах – Х.Г.) удалился от Самарканда, - пишется в источнике, - жители его и воины, называемые [по их племени] джикили, не поладили с Абу Тахиром, наместником султана, до такой степени, что чуть ли не напали на него. Он с трудом ухитрился спастись и ушел от них, направившись в Хорезм...Начальник [самаркандского] войска, известного как джикили, по имени Айн ад-Давла, боялся султана из-за этого [известного] происшествия и обратился к Йакуб-тегину, брату кашгарского царя, царство которого известно как Атбаш и крепость которого находилась в его руках, и пригласил его к себе. Тот явился к нему в Самарканд и они заключили соглашение. Затем Йакуб понял, что дело его с ним не уладится, и настроил против него подданных, которым тот причинил зло, ему предъявили иск за кровь людей, которых он убил, и Йакуб получил решение законовладельцев против него и убил его. Известия об этом достигли султана Малик-шаха, и он вернулся в Самарканд. ...Когда до султана Малик-шаха достигли вести о [проявлении] непокорности Самарканда и об убийстве Айн-ад-Давла, начальника джикилей, он вернулся в Самарканд» [16, с.224]. Но джикили, как народ, упоминаются у Ибн ал-Асира в качестве наемников султана Мелик-шаха; город же Джикиль упоминается у арабских географов X в., которые вообще передают тюркские собственные имена с большой точностью, насколько это возможно при арабском шрифте. Макдиси помещает Джикиль в полумиле от Тараза (Таласа)» [17, с.286-287].

Таким образом, можно отметить тот факт, что тюркские племена караханидского государства были самым тесным образом связаны с огузской конфедерацией племен. Необходимо отметить, что в рамках государства Караханидов этнические процессы были отмечены теснейшими межплеменными контактами, результатом которых стало формирование тех нуклеарных компонентов, вокруг которых активно шел этногенез, определивший языковую и культурную специфику тюркских протонародностей [18, с.70].

Источники и литература:

1. Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии / С. П. Толстов // Вестник древней истории. – М., 1938. – № 1 (2). – С. 176-203.
2. Исагулов О. Антропология Казахстана и вопросы этногенеза казахского народа / О. Исагулов // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана : сб. ст. / ред. Б. А. Литвинский. – М. : АН СССР, 1988. – С. 57-59.
3. Извлечения из «Китаб ал-месалик ва-л-мемалик» Ибн Хордадбега // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М., Л. : АН СССР, 1939. – Т. 1. – С. 144-146.
4. Багрянородный К. Об управлении империей / К. Багрянородный. – М. : Наука, 1989. – 493 с.

5. Извлечения из «Ахсан ат-такасим фи-ма'рифат ал-акалим ад-Макдиси и Масуди // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М., Л. : АН СССР, 1939. – Т. 1. – С. 166-208.
6. ал-Истахри. Извлечения из «Китаб месалик ал-мемалик» // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М., Л. : АН СССР, 1939. – Т. 1. – С. 167-180.
7. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана / С. М. Ахинжанов. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. – 294 с.
8. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского / пер. А. Н. Кононова. – М., Л., 1958. – 288 с.
9. Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана : сб. ст. / ред. В. Шахматов. – Алма-Ата : АН КазССР, 1960. – 225 с.
10. Зуев Ю. Ранние тюрки: очерки истории идеологии / Ю. Зуев. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002. – 332 с.
11. Бартольд В. В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы / В. В. Бартольд // Сочинения : в 9 т. / В. В. Бартольд. – М. : Наука, 1963. – Т. 2, ч. 1. – 1020 с.
12. Акеров Т. Древние кыргызы и Великая степь (по следам древнекыргызских цивилизаций) / Т. Акеров. – Бишкек : Бийиктик, 2005. – 252 с.
13. Караев О. История Караханидского каганата (X-XIII вв.) / О. Караев. – Фрунзе : Илим, 1983. – 301 с.
14. Баскаков Н. А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.
15. Ал-Ауфи Садид-Дин М. Джавами ал-хикайат ва лавами ар-ривайат. Сокровищница восточной мудрости : собрание рассказов и блестящие истории / Ал-Ауфи Садид-Дин М.; подг., предисл., пер. с персидского Т. К. Бейсембиева. – Алматы : Print-S, 2005. – 322 с.
16. Ибн ал-Асир. Полный свод истории / Ибн ал-Асир; пер. с араб. П. Г. Булгакова. – Ташкент : Узбекистан, 2006. – 560 с.
17. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период / В. В. Бартольд // Сочинения : в 9 т. / В. В. Бартольд. – М. : Наука, 1963. – Т. 2, ч. 2. – С. 265-303.
18. Кляшторный С. Г. Древнетюркские этнополитические объединения и их значение в этногенезе народов Средней Азии и Казахстана / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана : сб. ст. / ред. Б. А. Литвинский. – М. : АН СССР, 1988. – С. 66-70.

Чубукчиева Л.З.

УДК 94(477.75) "19"

АЙШЕ ИСХАКОВА – ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ КРЫМСКОТАТАРСКОГО НАРОДА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

История культурного и интеллектуального возрождения крымскотатарского народа привлекает внимание, как ученых-историков, так и простых обывателей. Доподлинно известно, что подъем образования, культуры, традиций в среде крымскотатарского и всего тюрко-мусульманского мира происходил при активном участии женщин. В разные исторические периоды женщина занимала статус и регентши-правительницы и бесправной рабыни. Не смотря на неустойчивое, неодинаковое положение женщины в обществе, ее влияние во всех сферах жизни было значимым, а порой и судьбоносным.

Российское общество рубежа к. XIX – XX вв. было представлено различными этносами и конфессиями. Взаимовлияние культур и традиций имело место в жизни Российского государства. Самым бесправным, угнетенным представителем российского социума была женщина-мусульманка. Вплоть до к. XIX века роль мусульманки ограничивалась материнством. Материнство главное, но не единственное назначение женщин на земле. В истории сохранилось множество фактов, подтверждающих влияние тюрко-мусульманских женщин на становление и развитие образования и науки, общественной, культурной, политической жизни.

Актуальность данного исследования заключается в том, что до сегодняшнего дня нет целостной, обобщающей работы о роли женщины в истории тюрко-мусульманских народов Российской империи и Крыма в частности. Вопрос о статусе мусульманки нельзя рассматривать односторонне, категорично. Конечно, преодолевать сложившиеся стереотипы о бесправном положении мусульманки непросто, так как они подтверждаются объективными фактами. Однако говорить о полном бесправном положении также неправильно, ведь ислам и интеллектуальная часть населения предоставляли им определенные социальные гарантии.

За последние десятилетия появились работы этнографической и социальной направленности, отражающие роль женщины в различных сферах занятости. Однако роль и место крымскотатарской женщины в данном контексте освещены мало и в этой связи имеют множество «белых пятен».

Период 1917-1923 гг. можно назвать возрождением, пробуждением мусульманской женщины. Такая тенденция в постановке женского вопроса не нова, но, тем не менее, изучена слабо. Наиболее ценным трудом в этой области является работа турецких ученых Шенгюль и Неджипа Хаблемитоглу «Şefika Gaspıralı ve Rusyada Türk kadın hareketi (1893-1920)», которые попытались наиболее подробно осветить тему женского движения на всей территории Российского государства. Известный ученый-гасприновед, профессор В.Ю. Ганкевич в своих многочисленных трудах: «На службе правде и просвещению», «Джадидистская реформа народного образования крымских татар в к. XIX – н. XX вв.», «Исмаил Гаспринский: архивные документы к ранней биографии» отдает приоритет вопросам образования и издательства. Вопросы равноправия и эмансипации мусульманки в его работах не являются основными,